

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. С. Смирнова

СВАДЬБА БЕЗ НОВОБРАЧНЫХ

(К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ФУНКЦИЯХ
СВАДЕБНОГО СКРЫВАНИЯ
У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Лет пятнадцать тому назад меня пригласили на свадьбу в горный шапсугский аул Красно-Александровский.

Во дворе дома, где праздновалась свадьба, живописными группами расположились гости. Особняком держались женщины, среди них выделялась группа молодых невесток. Всюду сновали дети. Под деревянными навесами были накрыты сколоченные на скорую руку столы, а в глубине двора возле подвешенных над огнем больших чугунных котлов сутились «повара».

В центре двора — полукруг девушек, рядом молодые парни и женатые мужчины, охотники до танцев. Тут же расположились музыканты — гармонистки и трещоточники. Высокий мужчина с деревянным жезлом в руке, двигаясь по кругу, распоряжался танцами, веселил публику речами-экспромтами, объявлял суммы «жертвуемых» присутствующими денег. Это был известный во всех адыгейских аулах «джегуако» — распорядитель свадебного круга.

Под аккомпанемент национальных мелодий танцевали пары, слышались шутки, смех. Но ни невесты, ни жениха среди присутствующих не было. Где же они? Как мне объяснили, жених уже несколько дней находился в одном из соседних домов, ибо показаться на свадьбе для него «верх неприличия». Невеста же не веселилась с гостями, а вместе со специально приставленной к ней девушкой стояла у стены в комнате, предназначенной для молодых. Можно было войти, взглянуть на невесту, поздравить ее. Молодая молча, потупившись, выслушивала поздравления — отвечать ей «не положено». Только позднее, в конце празднества, невесту с лицом, закрытым длинным шарфом, вывели на круг к танцующим, чтобы некоторое время спустя совершить церемонию «ввода в дом».

Впоследствии мне приходилось наблюдать аналогичные свадебные обряды у многих народов Кавказа, и я задалась вопросом, почему жених и невеста здесь по традиции отсутствовали на собственной свадьбе, да и теперь еще нередко принимают в ней лишь пассивное участие.

Казалось бы, свадьба без новобрачных — дело такое же необычное, как именины без именинника или похороны без покойника. А между тем именно такова традиционная свадьба всех народов Северного Кавказа и некоторых народов и этнических групп Закавказья. В 1920 г. советский лингвист М. Сигорский обратил внимание на то, что распространение этого типа свадьбы, который он назвал «свадьбой со скрыванием», в основном совпадает с расселением народов кавказской языковой семьи. Полнее всего свадьба со скрыванием сохранилась у адыгских народов северо-западного Кавказа и в несколько меньшей степени у их соседей: индоевропейцев-осетин и центральнокавказских тюрков — карачаевцев и балкарцев, у которых она вытеснила их прежнюю «открытую свадьбу». Напротив, у грузин она сама была вытеснена византийским свадебным обрядом, а у чеченцев, ингушей и большинства народов Дагестана отчасти стерлась под влиянием шариата¹.

Первые упоминания о свадьбе со скрыванием на Северном Кавказе имеются уже у авторов XVIII в., в частности у П. С. Палласа, но более обстоятельные сообщения появились только в XIX—начале XX в. Приведем некоторые из них, наиболее выразительные.

Начнем с адыгов. По Хан-Гирею, невесту обычно привозят не в дом жениха, а в дом одного из его приятелей. Если у жениха есть родители или старший брат, то он также удаляется в дом какого-нибудь приятеля, где происходит бракосочетание и откуда он посещает новобрачную после захода солнца. В дом родителей мужа молодую перевозят лишь некоторое время спустя, молодой же возвращается туда только по окончании всех свадебных обрядов². Более подробно описан этот порядок применительно к темиргоевцам. У них, как правило, невесту помещают не в доме родителей мужа, а в особую комнату дома одного из его родственников. Здесь она проводит первые месяцы своей брачной жизни, не выходя из комнаты. Жених все это время живет вне родительского дома, стараясь не попадаться никому на глаза и тайно навещая невесту. В доме, где живет невеста, через неделю после ее водворения сюда празднуется «малая свадьба». Через месяц после этого совершается церемония ввода молодого в дом его родителей, причем он должен одарить родню и гостей. Еще через несколько месяцев, обычно через год, справляется «большая свадьба» в доме родителей новобрачного и происходит ввод в него новобрачной. Как малая, так и большая свадьба празднуется в отсутствие жениха, невеста же, хотя и находится в том же доме, в свадебном торжестве не участвует³. Особенно интересны подробности церемонии ввода молодого в родительский дом у кабардинцев, сообщаемые Т. Кашежевым. Новобрачный живет у одного из товарищей и «скрывается от всех родственников и старцев в ауле», пока, вскоре после ввода новобрачной в дом его родителей, не совершится обряд его «примирения» с домашними. «По сторонам сакли становятся старики. В одном углу стоят девушки, а в переднем углу отец, мать молодого и избранный почетный старец, держа в руках чашу бузы для молодого, который в это время в сопровождении товарищей своих стоит за дверьми. Тогда старец говорит громким голосом: „Сын наш! Ты доставил нам то, чего мы до сей поры не имели. Тебе, наверно, показалось, что ты совершил преступление, и потому ты так долго скрывался от нас. Но нет: это нас радует всех, и вот вознаграждение за это дело, мы присудили тебе эту

¹ М. Сигорский, Брак и брачные обычаи на Кавказе, «Этнография», 1930, № 3, стр. 49 сл. О традиционной свадьбе у народов Северного Кавказа см. Я. С. Смирнова, Семья и семейный быт, сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)», М., 1968, стр. 192 сл.

² Хан-Гирей, Избранные произведения, Нальчик, 1974, стр. 185 сл.

³ В. В. Васильков, Очерк быта темиргоевцев, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. 29, 1901, стр. 94 сл.

чашу напитка. Приди, примиришь и прими от нас эту чашу!“ На другой день девушки приводят снова молодого к его матери, которая вручает ему от имени собравшихся женщин чашу бузы, и затем сажают его на какую-нибудь скамью. Это сажание называется у кабардинцев „шет-те-гож“ и служит для окончательного примирения молодого со всеми⁴.

Сходным образом характеризуется свадебное скрывание у балкарцев и карачаевцев. По сообщению Н. Грабовского, жених, даже если он явился со свадебным поездом за невестой, в ее селении «скрывается у кого-либо из своих знакомых и никуда не показывается; точно так же он скрывается в своем ауле, пока празднуется свадьба; здесь для своего пребывания он выбирает дом какого-нибудь из своих коротких знакомых». В этом доме он остается до года, посещая свой дом и жену только по ночам, а когда он, наконец, оставляет дом, где скрывается, хозяин его должен сделать аулу угощение⁵. Другой автор сообщает, что если новобрачного встретят на улице хотя бы ночью, его избивают и загоняют палками в его убежище. Пока он скрывается, его считают нечистым: обычай запрещает даже прикасаться к нему. Если обстоятельства не позволяют скрываться более семи дней, то назначается день выкупа: семья молодого устраивает аульчанам угощение, после чего он признается очистившимся⁶. Еще в одном сообщении, повторяющем в главных чертах предыдущее, подчеркивается строгость свадебного скрывания также и новобрачной. «Молодая, проживая в доме жениха или у его родственников, тоже должна скрываться от посторонних; дома она живет изолированно, и когда к ней кто-нибудь взойдет, она покрывает лицо покрывалом»⁷.

Согласно одному из наиболее ранних показаний об осетинах, невесту после ее переезда в селение жениха вводят не в его, а в соседний дом. Приличие требует, чтобы молодые, смотря по материальному состоянию, от трех дней до трех месяцев жили не у себя, а у соседей и виделись украдкой, так, чтобы никто из стариков не знал об их свиданиях⁸. Во второй половине XIX в. осетины уже не практиковали промежуточное поселение невесты, но и в доме родителей жениха она в течение всей свадьбы в основном скрывалась в своей комнате, хотя и принимала молчаливое участие в обрядах ее приобщения к новой семье. Еще месяц-два, до обряда первого выхода за водой, ей не разрешалось появляться за пределами усадьбы, а свой первый визит к родителям она была вправе совершить лишь по истечении года⁹. Свадебное скрывание жениха вне родительского дома продолжало бытовать и во второй половине прошлого столетия. Новобрачный первые три-четыре дня, а по другим данным месяц не должен был показываться родителям, жил у свадебного дружки, к жене приходил только поздно вечером и уходил рано утром. Затем дружка резал барана для угощения и отводил молодого домой, чем и заканчивалось его скрывание¹⁰.

Не менее выразительны сведения о свадебном скрывании у чеченцев. Накануне свадьбы, продолжавшейся три дня, невесту помещали в доме

⁴ Т. Кашежев, Свадебные обряды кабардинцев, «Этнографическое обозрение», 1892, № 4, стр. 151, 153 сл.

⁵ Н. Грабовский, Свадьба в горских обществах Кабардинского округа, «Сборник сведений о кавказских горах» (далее — ССКГ), вып. 2, 1869, стр. 53.

⁶ В. Я. Тепцов, По истокам Кубани и Терека, СМОМПК, вып. 14, 1892, стр. 177, 178.

⁷ Н. П. Тульчинский, Пять горских обществ Кабарды, «Терский сборник», вып. 5, 1903, стр. 208.

⁸ М. А. Шегрен, Религиозные обряды осетин и ингушей и их соплеменников при разных случаях, газ. «Кавказ», 1846, № 27—29.

⁹ К. Л. Хетагуров, Особа, Собр. соч. в пяти томах, т. IV, М., 1960, стр. 353; К. Борисевич, Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа, «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 229, 239.

¹⁰ А. Л. Зиссерман, Отрывки из моих воспоминаний, «Русский вестник», 1878, № XI, стр. 88; К. Борисевич, Указ. раб., стр. 238 сл.

одного из родственников жениха. Последний, заведя свадебный поезд, переходил в дом одного из своих приятелей, где и скрывался на протяжении всей свадьбы, не показываясь ни невесте, ни родным, ни гостям. Лишь на четвертый день после официального бракосочетания он начинал посещать новобрачную, но некоторое время старался делать это тайно. Скрытие новобрачного от родных и соседей длилось от двух недель до месяца, невеста же была вправе показаться своей родне лишь через несколько месяцев после свадьбы¹¹. У ингушей жених и невеста за два-три дня до свадьбы уходили из своих домов: жених — к ближайшему родственнику, невеста — к родственнице или подруге. После того как невесту перевозили в селение жениха, он начинал посещать ее по ночам, но продолжал скрываться в своем убежище еще две-три недели. Уже будучи засватана, девушка избегала всяких разговоров со старшими родственниками и соседями и еще более того — с родными жениха. Жених также избегал старших как из своей родни, так и из родни невесты. Скрытие невесты на протяжении трех дней свадьбы соблюдалось настолько строго, что ей считалось неприличным даже выйти во двор. Оно прекращалось не менее чем через пять дней после свадьбы обрядовым выходом новобрачной за водой, во время которого устраивались танцы и угощение¹².

Нет надобности приводить другие сообщения, относящиеся к народам Дагестана, а в Закавказье — к абхазам, хевсурам, кистинам¹³. В целом у всей рассматриваемой нами группы народов обязательным компонентом свадебного обряда было более или менее выраженное скрывание жениха и невесты, новобрачного и новобрачной, особенно строгое по отношению к старшим родственникам и свойственникам, а также вообще старшим по возрасту лицам. Жених, а затем новобрачный то или иное время прятался в чьем-либо доме, причем прекращение его скрывания должно было быть озаменовано «примирением» с родней, а нередко и со всем селением. Позднее он должен был нанести примирительный визит родителям жены, что, впрочем, имело место не у всех народов региона. Невеста первоначально также скрывалась в чьем-либо доме, причем некогда, видимо, целый год, позднее же перевозилась непосредственно в дом родителей жениха, но и здесь пребывала в отдельной комнате, почти все время под покрывалом, фактически не участвуя в собственной свадьбе. Существовали особые обряды прекращения свадебного скрывания невесты от родных и односельчан жениха — ее ввод в общее помещение дома и первый выход за водой. Для прекращения ее скрывания от собственной родни требовался традиционный визит в родительский дом.

Рис. 1. Невеста-осетинка в своей комнате во время свадьбы. Селение Сурх-Дигора. 1969 г.

¹¹ А. П. Ипполитов, Этнографический очерк Аргунского округа, ССКГ, вып. 3, 1868, стр. 9 сл.; В. А. Акимов, Свадебные обычаи чеченцев и ингушей; «Сборник материалов по этнографии, издаваемых Дашковским этнографическим музеем», вып. 3, М., 1888, стр. 147.

¹² Н. Грабовский, Ингуши, ССКГ, вып. 9, 1876, стр. 53; Н. Яковлев, Ингуши, М.—Л., 1925, стр. 54; Б. Далгат, Материалы по обычному праву ингушей, «Известия Ингушского института краеведения», вып. 2—3, Владикавказ, 1930, стр. 317, 334 сл.

¹³ См. Г. А. Сергеева, Об обычаях избегания у народов Грузии, «Полевые исследования Института этнографии АН СССР», М., 1974.

Рис. 2. Абазинская невеста (справа) в комнате для новобрачных в день свадьбы. Селение Псыж, 1969 г.

Что же представляют собой эти обычаи и обряды? Как они возникли и какова была их роль в семейном и общественном быту такого широкого круга народов?

Свадебное скрывание — одна из разновидностей широчайшим образом распространенных или фиксируемых в пережитках едва ли не у всех народов мира брачно-семейных запретов, уже в прошлом веке привлечших к себе пристальное внимание этнографов и названных Э. Тэйлором обычаями «избегания». По своему содержанию эти запреты очень различны: не показываться на глаза, не находиться вместе в одном помещении, не бывать вместе в общественных местах, не показывать лица или каких-нибудь обнаженных частей тела, не разговаривать, не есть в чьем-либо присутствии, не садиться за один стол, не называть чужого имени или фамилии и т. д. Очень разнообразны также сочетания субъектов и объектов избегания: здесь и родные братья или сестры, и муж с женой или родители с детьми, и различные категории старших родственников или свойственников, и посторонние

люди. Все это уже давно привело этнографов к выводу, что все обычаи избегания не могут проистекать из одного источника, быть объяснены одной причиной. Другое дело — некоторые отдельные комплексы обычаев избегания, для которых может быть установлена их генетическая и функциональная связь. Таким комплексом, в частности, по-видимому, является избегание во взаимоотношениях между женихом и невестой, а затем мужем и женой, между ними и их старшими родственниками и свойственниками, а также уважаемыми посторонними лицами и, наконец, между родителями и детьми. Для него, видимо, имеется общее объяснение, которое одновременно служит и объяснением интересующего нас обычая свадьбы без новобрачных.

Последний по времени и наиболее обстоятельный в советской науке анализ большей части обычаев этого комплекса проделан Н. А. Кисляковым. Отправляясь от известной статьи А. Н. Максимова¹⁴, он рассматривает все три выделенные последней теорией их происхождения, а именно возможную связь с похищением жен, предотвращением недозволенных половых отношений и локализацией брачного поселения. Н. А. Кисляков убедительно показывает несостоятельность первой и недостаточность второй из этих теорий. Не будем повторять мобилизованную им аргументацию: читатель может обратиться к соответствующему разделу его книги¹⁵. Сам Н. А. Кисляков вслед за Э. Тэйлором и А. Н. Максимовым развивает третью теорию. «Связь между семейно-брачными запретами и избеганиями и локальностью брака не подлежит никакому сомнению. Ког-

¹⁴ А. Н. Максимов, Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого, «Этнографическое обозрение», 1908, № 1—2, стр. 8.

¹⁵ Н. А. Кисляков, Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 206 сл.

да жена переселяется в дом мужа, устанавливается целая система запретов и избеганий между нею и родственниками ее супруга. Муж же избегает родных жены до переезда последней к нему, что многие исследователи связывают с пережитком матрилокального поселения». Развивая далее эту точку зрения, Н. А. Кисляков пишет, что локализация брака сама по себе не объясняет причин избегания, а скорее служит необходимым условием для его проявления. Причиной всех такого рода запретов является «сама природа брачных отношений, естественное чувство застенчивости, стеснения, которое испытывают вступающие в брак. Эти чувства испытывают не только девушка и юноша по отношению один к другому, но, пожалуй, еще в большей степени каждый из них по отношению к родне другой стороны»¹⁶.

Приведенное «психологическое» объяснение происхождения обычаев избегания привлекает своей простотой, но все же представляется недостаточно убедительным. Во-первых, его нельзя распространить на все виды избегания данного комплекса, в частности на избегание между родителями и детьми, которое, видимо, не случайно автором вообще не рассматривается. Во-вторых, трудно предположить, что естественная застенчивость, настолько сильная, что она вызвала к жизни целую систему строго соблюдаемых запретов, резко ослабевала после совершения определенных обрядов, например обрядов «примирения» новобрачного с родными и односельчанами. Думается, что возникновение этих запретов предполагало более серьезные, чем застенчивость, обстоятельства, а именно возникновение противоречащей обычаям ситуации.

Обобщая взгляды основоположника третьей теории происхождения рассматриваемого нами комплекса обычаев избегания Э. Тэйлора, А. Н. Максимов писал, что сущностью ее является «подчеркивание разницы между исконными членами семьи и вновь вступившим в нее чужаком, непризнание последнего первыми»¹⁷. Сам Максимов считал, что Тэйлор «в значительной степени прав, и „непризнание“ является одним из главных элементов содержания изучаемых нами ограничений»¹⁸. Но подобного рода «непризнание», по всей вероятности, могло возникнуть лишь в том случае, если данной форме локализации брака предшествовала другая, новой и необычной — санкционированная обычаями.

У народов Кавказа, как и у других народов мира, патрилокальности предшествовала матрилокальность, а также, по-видимому, и некоторые переходные формы — дислокальность и промежуточная локализация, названная М. Сигорским «интерлокальностью»¹⁹, а М. О. Косвен — поселением в «другом доме» (по его мнению, некогда авункулокальным)²⁰. Отсюда можно сделать вывод, что теоретически реконструируемая ситуация, породившая обычаи избегания, возникла именно в период перехода к патрилокальному браку. В основном к такому выводу и склонялся М. О. Косвен, отмечая, что хотя обычаи избегания не имеют обязательно общего происхождения, а связаны с различными сторонами архаических отношений, в том числе древними отношениями полов, они «создаются и находят себе выражение в процессе перехода от матриархата к патриархату, и в частности к патрилокальному поселению, будучи связаны со всем многообразным комплексом относящихся сюда явлений»²¹. Одновременно и нами было высказано предположение, что у народов Северного Кавказа избегание отражает переход от матрилокального поселения к патрилокальному и от материнского счета родства к отцовскому, возникнув в качестве своеобразной условности, позволив-

¹⁶ Там же, стр. 236, 237.

¹⁷ А. Н. Максимов, Указ. раб., стр. 8.

¹⁸ Там же, стр. 76.

¹⁹ М. Сигорский, Указ. раб., стр. 52.

²⁰ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 52 сл.

²¹ Там же, стр. 89.

шей формирующемуся патриархальному обществу создать иллюзию отсутствия в данной семье «незаконно» вошедших в нее молодоженов и какой-либо связи между ними и родившимися у них детьми²².

Итак, свадьба без новобрачных, во время которой эти последние избегают своих родственников, свойственников и односельчан, в особенности старших, а также друг друга при подлежащих избеганию лицах, — начальная и наиболее ярко выраженная форма определенного комплекса обычаев избегания. Генетически она восходит к казуистическим, имеющим своей целью «находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию»²³ обычаям времени перехода от материнскородовых порядков к отцовскородовым. Можно было бы еще более сузить этот вывод, связав возникновение интересующих нас обычаев с изменением одной лишь локализации брака, но тогда некоторые приведенные выше факты остались бы без объяснения. Это «настойчивое», как подметил М. О. Косвен, повторение во многих сообщениях мотива пребывания невесты в промежуточном доме в течение года. М. О. Косвен не дал этому обычаю однозначного объяснения. Первоначально он связал его с реминисценциями группового брака, отметив в то же время, что доказательство такого положения — дело нелегкое; позднее усматривал в нем своеобразный компромисс между старым материнским и новым отцовским родом при смене счета родства²⁴. Между тем сопоставление того же самого мотива «одного года», т. е. времени, которое, скорее всего, было отведено для того, чтобы родился ребенок, в свадебном цикле Цовинар-хатун из армянского эпоса «Давид Сасунский» с брачными порядками некоторых племен Меланезии и Африки, видимо, дает какое-то связующее звено между обычаем годичного помещения невесты в один из домов селения жениха и порядками, существовавшими при переходе от группового брака к индивидуальному. Это был год, в течение которого невеста покупала право на индивидуальный брак как предбрачными встречами, так и рождением предбрачного ребенка²⁵. Подобные реминисценции у народов Кавказа вовсе не исключены: по сообщениям даже позднесредневековых путешественников, в патриархальном обществе адыгов еще сохранялись известные остатки добрачных и внебрачных половых свобод²⁶.

Но в целом вся эта проблема еще не может считаться полностью решенной и требует дополнительных исследований.

Естественно возникает вопрос: почему необычная свадьба без новобрачных, сложившаяся у ряда народов Кавказа многие столетия назад и, казалось бы, совершенно несовместимая с таким важнейшим событием в человеческой жизни, надолго у них сохранилась? Мог ли подобный порядок быть только пережитком в том смысле, который вкладывал в него Тэйлор? Представляется, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Связанные с такой свадьбой обычаи и обряды надолго удержались не просто в силу консервативности традиций, а потому, что они приобрели определенные социальные функции, выгодные принявшему их патриархальному, а затем патриархально-феодалному обществу.

²² Я. С. Смирнова, Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. «Сов. этнография», 1961, № 2, стр. 45.

²³ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 111.

²⁴ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 141 сл.; е го же, Этнография и история Кавказа, стр. 69.

²⁵ А. И. Першиц, О некоторых этнографических сюжетах в армянском народном эпосе «Давид Сасунский», «Известия Академии наук АрмССР», 1951, № 8, стр. 56 сл.

²⁶ См., например: «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова, Нальчик, 1974, стр. 51, 80, 81, 102.

Как известно, одной из характерных черт патриархального строя и быта является ярко выраженное подчинение младших старшим, что находит свое внешнее выражение в многочисленных и подчеркнутых знаках почтения. На Кавказе этот порядок поддерживался не только нормами адата и (у мусульман) шариата, но и разного рода традициями, относящимися к области обрядовой жизни, этикета и т. п., призванными напомнить младшим членам семьи, патронимии, общины их зависимое, подчиненное по отношению к старшим положение. Тем самым эти традиции выполняли определенную функцию в воспроизводстве из поколения в поколение одних и тех же семейно-общественных форм, т. е. социализации. «Горское этническое сознание, — справедливо пишет по этому поводу карачаевский исследователь К. И. Чомаев, — еще в сильной степени сохраняло культ старшинства и семейной патриархальности. Это было отражением неразвитых социальных отношений и остатком тех времен, когда отсутствие государства и наличие родо-племенных связей вело к господству авторитарной власти старейшин, опирающейся на возникший по этому случаю нравственный закон почитания старшинства»²⁷.

Попробуем подойти к рассматриваемым обычаям с этой точки зрения. Свадебное скрывание жениха, а затем новобрачного и последующие обряды его «примирения» со старшими родственниками и односельчанами должны были в ритуализированной, а следовательно, и особенно впечатляющей форме показать молодому человеку, что хотя он и вошел в круг взрослых женатых мужчин, это произошло лишь с соизволения старших. Дальнейшее скрывание женатого мужчины от его старших родственников и односельчан, разумеется, исключалось хозяйственно-бытовыми условиями, но известные остатки этого порядка, не позволявшие ему забывать о своем статусе младшего, сохранялись длительно. Это были обычаи избегания, запрещавшие ему показываться старшим рядом с женой или детьми дома и появляться с ними в общественных местах, заговаривать первым с кем-нибудь из старших, есть с ними за одним столом и т. д. Что касается старших свойственников, то они зачастую жили не в том же, а в другом селении, и общение с ними было не столь обязательно. Поэтому «примирение» с ними в форме традиционного визита в их дом, как правило, совершалось позже, а подчас, как у западных адыгов, не совершалось вообще. С течением времени нормы избегания постепенно ослабевали и к старости сохранялись лишь немногие. Это, видимо, подтверждает дредложенное толкование функций данной группы обычаев.

Другая характерная черта патриархального строя и быта — подчинение женщин мужчинам. У народов Северного Кавказа оно выражено настолько ярко, что К. И. Чомаев считает возможным говорить о своего рода культе мужчины как об одной из особенностей их этнической психологии²⁸. И действительно, если первоначально, при своем генезисе, свадебное скрывание и сменявшее его избегание в равной степени касались обоих супругов, то позднее, с развитием патриархальных порядков, избегание с особой тяжестью легло на плечи женщины. В то время как муж по окончании свадебного скрывания относительно свободнее общался со всеми членами своей семьи, родней и соседями, жена продолжала едва ли не до самой смерти так или иначе избегать старших, что заставляло ее постоянно следить за собой и помнить о своем особом, подчиненном положении. Так обстояло дело не только дома, но и за его пределами. Чтобы не нарушить норм избегания, она не должна была присутствовать на народных собраниях и празднествах, а там, где могла

²⁷ К. И. Чомаев, Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа, сб. «Вопросы национальной психологии», Черкесск, 1972, стр. 130.

²⁸ К. И. Чомаев, Указ. раб., стр. 134.

присутствовать, вынуждена была молчать. Не всегда можно с уверенностью дифференцировать в предписанных женщине нормах поведения связанные со свадебным скрыванием и избеганием специфические запреты и общие шариатские ограничения, тем более что многие установления шариата также восходят к обычаям избегания у древних арабов. Несомненно, однако, что применительно к женщине свадебное скрывание и избегание были одной из составных частей закрепощавшего ее патриархального правопорядка.

Рис. 3. Жених и невеста за свадебным столом. Селение Псыж, 1969 г.

Свадебное скрывание и вырвавшееся из него избегание между супругами (а также, заметим в скобках, между родителями и детьми) могло иметь и другие функции. В условиях большой семьи ограничения в общении между ними препятствовали атомизации большесемейного коллектива, поддерживали общинное начало в доме. Тем самым они также выполняли функцию социализации, но в этом случае иного порядка. Однако эта функциональная линия не заслоняла предыдущей: более того, скорее, она была второстепенной. Не случайно даже в обыденном сознании населения избегание воспринималось как отношения неравенства. Это прямо подтверждается замечаниями некоторых бытописателей старокавказской семьи — прирожденных кавказцев, замечаниями, которые при всей своей научной неточности не лишены жизненной правды. Так, по словам кабардинца А. Намитокова, жена «не дерзала», а муж «не снисходил» называть другого супруга по имени²⁹, а по мнению адыгейского писателя А. Евтыха, родители не оплакивали своего ребенка публично потому, что они его «не считали за человека»³⁰.

Самостоятельный интерес представляет вопрос, почему как свадебное скрывание, так и последующие обычаи избегания у адыгов были выражены сильнее, чем у соседних народов. Выше уже приводились соображения М. Сигорского о том, что у неадыгских народов кавказской языковой семьи эти обычаи отчасти стерлись в результате сторонних влияний, а некавказские по языку народы Кавказа заимствовали их у адыгов. Та-

²⁹ А. Намитоков, Черкешенка, М., 1928, стр. 20.

³⁰ А. Евтых, У нас в ауле, «Новый мир», 1953, № 5, стр. 69.

кого рода утраты и приобретения в ходе этнокультурных процессов, разумеется, возможны, но предположение М. Сигорского не дает ответа на другой вопрос: почему все же адыги оставались эпицентром распространения интересующих нас традиций среди соседних народов? Здесь, думается, надо обратить внимание на сообщения о различиях в степени избегания в верхушечных слоях населения и среди простого народа. Так, например, К. Ф. Сталь писал о тех же адыгах: «Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда»³¹. В то же время известно, что адыгское общество было относительно больше феодализовано, и, следовательно, в нем была значительно больше и полнее придерживаться традиционных запретов в общении с боком живущими родственниками по крови, браку и свойству. А в патриархально-феодальном обществе с присущим ему слабо выкристаллизовавшимся классовым самосознанием обычаи, которых придерживались князья и дворяне, считались образцом поведения, и адыгское крестьянство старалось им следовать, насколько это было возможно. Адыгам же стремились подражать в своих обычаях соседние народы, тем более что некоторые из них находились в феодальной зависимости от кабардинских князей.

Все сказанное позволяет считать, что свадьба без новобрачных, как и вся система обычаев избегания у народов Кавказа, не была ни простым пережитком, ни нейтральной культурно-бытовой традицией. Она принадлежала к числу элементов, которые поддерживали устои патриархальной семьи и патриархального, а затем патриархально-феодального общества.

Именно поэтому в советское время свадьба со скрыванием утратила всякий социальный смысл и стала постепенно изживаться. Конечно, изживание такого рода обычаев — всегда очень длительный процесс, и мне за многие годы полевой работы на Кавказе неоднократно приходилось наблюдать их у самых различных народов — от абхазов и адыгейцев на западе до чеченцев и аварцев на востоке. Но в то же время с каждым десятилетием все чаще можно было видеть, что жених, а нередко и невеста отказывались скрываться и становились более или менее активными участниками собственной свадьбы. Дальше других продвинулись в этом отношении адыгейцы, черкесы, абазинцы и ногайцы, у которых новобрачные хотя и не сидят еще, как правило, за одним праздничным столом со старшими родственниками и односельчанами, но в большинстве случаев торжественно справляют свою свадьбу вместе со сверстниками в соседнем помещении или доме. У других народов региона также идет процесс отхода от традиционной свадьбы без новобрачных, ускоряясь и расширяясь по мере убыстрения темпов культурно-бытовых преобразований в семье и обществе³².

³¹ К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», вып. 21, Тифлис, 1900, стр. 28. Ср. В. Я. Тепцов, Указ. раб., стр. 177.

³² Подробнее об этом см. Я. С. Смирнова, Традиция и инновация в развитии семейной обрядности, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 5 сл.